

Нужно было срочно придумать, как уложить генерала Чжоу на больничную койку — с этим делом медлить было нельзя.

Вэй Хэн усмехнулся, не выдав ни единой эмоции.

Чу Ши в недоумении приподнял бровь. Потребовалось время, чтобы сообразить: речь-то идет о нем самом.

— Чуский... смазливый мальчишка? — переспросил он.

В груди закипело раздражение. Чу Ши открыл рот, но тысячи мыслей схлестнулись в единственный вопрос:

— С чего ты... взял?

Он — смазливый мальчишка? Какое дерзкое определение, и ведь применено оно именно к нему.

Вэй Хэн посмотрел на него как на неразумного:

— Разумеется! Он же просто смазливый мальчишка, который только и умеет, что дурачить людей. Не вздумай верить тем дифирамбам, что распевают на каждом углу. Это всё Чу Чжичжи сам подстроил, нанял людей, чтобы те разносили слухи.

Чу Ши промолчал.

— Этот человек — верх лицемерия. Он так печется о своей репутации, что специально распускает сплетни, а на деле — обманывает людей, выманивает деньги, морочит голову, бессердечный и хладнокровный мерзавец. Творит зло, направо и налево крутит романы.

Чу Ши: «...???»

— Это государственная тайна. Я сейчас тебе, А-Сы, открылся, так что запоминай.

Видя, что тот молчит, Вэй Хэн решил, что этого недостаточно. Он принялся настойчиво требовать, чтобы Чу Ши поклялся:

— Ну же, повторяй за мной: Чу Чжичжи — невежественный ничтожный человек, уродливый и жалкий! Без капли амбиций! Сердце его пусто, и бросить его — самое правильное решение.

Чу Ши: «...!!!»

Вэй Хэн смотрел на него с искренним воодушевлением. Чу Ши невозмутимо отступил на шаг, его опущенные пальцы слегка сжались. Неужели это действительно происходит? Требовать, чтобы он... проклинал самого себя? Да еще такими ядовитыми словами — это уж слишком.

Чу Ши заподозрил, что это какая-то хитрая проверка: Вэй Хэн сомневается в его личности и пытается вывести на чистую воду. Он открыл рот, но в горле будто застрял ком ваты — произнести эти слова было выше его сил.

Заметив молчание, Вэй Хэн нахмурился:

— Что такое? Считаешь, я неправ?

В его глазах читалось обвинение, словно он смотрел на неверного возлюбленного, который предал его интересы.

Чу Ши ответил мягким, как журчание горного ручья, голосом:

— Даже если наследный принц Чу так могуществен, вряд ли он смог бы подкупить стольких людей, Ваше Высочество...

Вэй Хэн остался недоволен:

— Это секретные сведения! Сколько храбрых мужей Великого Вэй положили жизни, чтобы добыть их, как я могу тебя обманывать?

Чу Ши промолчал. Они познакомились совсем недавно, а Вэй Хэн уже готов делиться государственными тайнами — как же сильно ему хотелось втереться в доверие.

— Вы правы, Ваше Высочество, это я был недальновиден, — согласился Чу Ши, чувствуя, как похолодели и задрожали его пальцы, и поспешил сменить тему: — На улице поднялся ветер, давайте вернемся.

Вэй Хэн увидел, что тот кивает, но понял, что внутри он всё еще не верит. Подумав о том, что больному человеку клятвы ни к чему, он решил не спорить:

— Ладно. Выпей лекарство, и я тебя отвезу.

Чу Ши снова промолчал. Разговор вернулся к началу. Он тихо выдохнул, потянул Вэй Хэна за край ханьфу и, будто сдаваясь, слегка качнулся:

— Ваше Высочество, оно горькое.

Лицо Чу Ши вспыхнуло, он поспешно отдернул руку, будто от удара током. Человек, повзрослевший в десять лет, даже перед матерью-императрицей никогда не позволял себе подобного.

Глаза Вэй Хэна засияли. Этот взгляд был слишком прекрасен: в спокойном состоянии — холодный и отстраненный, а стоит проявить хоть каплю слабости — становится таким нежным и пленительным, особенно если в глазах стоят слезы. Казалось, он был таким хрупким сокровищем, что любое лишнее прикосновение могло его сломать.

Подул легкий ветерок, и тонкий аромат персикового цвета в воздухе стал вдруг пьянящим. Всё вокруг померкло, и лишь этот красавец перед глазами занял всё сердце.

Сохраняя остатки рассудка, Вэй Хэн прочистил горло и ловко перехватил руку, которую Чу Ши снова хотел отвести:

— Дашь мне сладкий ответ — я соглашусь на твою просьбу.

Взвесив всё за и против, Чу Ши выбрал поцелуй — это казалось приемлемым. Он уже подался вперед, как вдруг Вэй Хэн отпрянул, словно озаренный:

— Нет, ты болен, как же без лекарства? Я велю принести цукаты.

Надо же, решил применить технику соблазнения, хорошо, что он устоял.

Чу Ши: «...»

Он молча отдернул руку, развернулся и зашагал прочь.

Вэй Хэн: «...»

Что, неужели обиделся?

Чу Ши внезапно замер, обернулся, и на помрачневшем лице Вэй Хэна снова заиграла улыбка. Но Чу Ши просто схватил чашу с отваром, залпом выпил его и, взмахнув рукавами, ушел.

Улыбка застыла на лице Вэй Хэна.

Когда синяя фигура скрылась за поворотом, Вэй Хэн всё еще не мог поверить: не прошло и нескольких дней, как этот «незаконный» возлюбленный уже начал швырять чаши, злиться и бросать его одного. Что же будет дальше?!

С помрачневшим лицом он увидел приближающегося стражника:

— Все подошли, что ли? Живо отнесите господину Линю цукаты!

Стражник поспешно ретировался, проклиная свою неудачу — надо же было попасться под горячую руку. Если не получается ублажить супругу, виноваты, конечно, они, вечно мешающиеся под ногами. Бедный стражник мог лишь сетовать на несправедливость судьбы и нравы нынешних времен.

Чжоу Юйчэн поспешно подошел:

— Ваше Высочество, люди хотят жареной курицы, спрашивают, будете ли вы.

— Где они?

— В заднем саду.

— Пойдем. Цзян Чаобэй привел людей, чтобы расправиться с теми разбойниками?

Чжоу Юйчэн цокнул языком:

— Я послал людей следить. Этот мерзавец — настоящий зверь. Он даже собственную мать не пощадил, всех женщин на горе перерезал. А тех, что он держал в заложниках, он отравил — ни один не выжил, даже сторожевые рабы. Ваше Высочество, этот человек не знает ни верности, ни сыновнего долга, ни человечности. Ради того, чтобы выслужиться перед вами, он родную мать не пожалел. Вы правда собираетесь его использовать?

— Мало мне Хань Гуана под боком? Ты хочешь, чтобы у меня в глазах рябило от предателей?

— Карту обороны границы еще не нашли, сейчас нельзя действовать опрометчиво. В конце концов, это всего лишь наместник Юньчжоу — без власти он и не дернется.

В заднем саду полыхал огонь. На костре, на железных вертелах, жарились шесть куриц. Здоровяки с голыми торсами изо всех сил подбрасывали дрова. Дров было слишком много, всё заволочло белым туманом, который лениво поднимался вверх, а местами едким дымом въедался в глаза. Все вокруг слезились и чихали — зрелище было донельзя комичным.

Вэй Хэн моргнул, в его глазах скопились слезы. Он шмыгнул носом и вытер лицо — дым не щадил никого, даже наследного принца.

У входа слышались торопливые шаги:

— Ваше Высочество, беда! Господин Лин потерял сознание... кх-кх-кх!

Войдя в сад, стражник захлебнулся густым дымом и покраснел до слез.

В покоях.

Лицо Чу Ши горело неестественным румянцем, губы побелели и потрескались от жажды. Его тонкая талия — что в постели, что сейчас — казалась пугающе хрупкой.

Вэй Хэн склонился над ним, коснулся губами лба — горячий. От близости принца жар начал распространяться по шее, Чу Ши слабо повел носом и попытался отстраниться. Его рука, поднятая в попытке оттолкнуть неприятно пахнувший дымом источник тепла, была бессильна.

Вэй Хэн с помрачневшим лицом перехватил его ладонь и проворчал:

— Что ты творишь?! У тебя талант за один день вымотать все нервы, которые я берег половину жизни. Только что ведь всё было хорошо, а ты снова довел себя до такого состояния. Люди говорят: день без встречи — как три осени, а у нас с тобой — как день между жизнью и смертью.

Чу Ши не осознавал происходящего, но слышал над головой этот бесконечный щебет. Как шумно... Он отвел голову в сторону, и на его лице промелькнула тень обиды.

<http://bllate.org/book/19825/1951916>